

**Тайная бухгалтерия
Наполеона Бонапарта.
Сколько стоит
завоевать и потерять
мир**

Эмиль Хавьер

Эмиль Хавьер
Тайная бухгалтерия Наполеона
Бонапарта. Сколько стоит
завоевать и потерять мир

*<https://litres.ru/74582942>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Это исследование об ушедшей эпохе Великой Французской революции и Наполеоновских войн, события которой очень актуальны сегодня. В книге в доступной для читателей форме исследуются вопросы финансирования деятельности Наполеона и его противников в период с 1799 по 1815 годы

Содержание

Глава 1. Наследство кровавой революции

4

Глава 2

36

Эмиль Хавьер Тайная бухгалтерия Наполеона Бонапарта. Сколько стоит завоевать и потерять мир

Глава 1. Наследство кровавой революции

Вместо предисловия

Известный немецкий профессор географии Оскар Пешель (1826 - 1875), анализируя причины триумфа Королевства Пруссии над Австрийской империей сразу после победы при Садове в июле 1866 года, написал: «Народное образование играет решающую роль в войне... Когда пруссаки победили австрийцев, то это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем» (потом, правда, это высказывание, как часто бывает в истории, приписали Бисмарку).

Профессор Пешель имел в виду, что победу прусской армии обеспечили не только стратегический гений Отто фон Бисмарка и тактические новшества генералов, а вы-

сокий уровень грамотности и дисциплины простых солдат. Прусская система всеобщего начального образования сделала призывников более сознательными, способными быстрее обучаться военному делу и четко выполнять сложные приказы на поле боя. С этим можно только согласиться.

Однако кроме школьных учителей у военных побед есть и другие авторы. Правда они настолько тихие и незаметные, что их никогда не упоминают учебники истории. И тем громче события, за которыми они стоят. Именно таковыми являются финансисты. В их руках универсальный ключ ко всем дверям - деньги. К сожалению, именно эту настоящую движущую силу всех событий очень редко замечают романтически настроенные историки. Эта книга раскрывает финансовую сторону войны, обычно скрывающуюся за деяниями генералов, острием штыков пехотинцев, калибром стволов пушек и блеском гусарских сабель.

Французский император Наполеон Бонапарт прославился как гениальный тактик, автор Гражданского кодекса и властелин Европы. Мы знаем названия многих его великих битв: Аустерлиц, Фридланд, Бородино, Лейпциг, Ватерлоо. Можно восхищаться скоростью перемещения его армий и смелостью стратегических замыслов. Но следует понимать, что за каждым походом Великой армии, за каждой пуговицей на мундире солдата и за каждым фунтом пороха стояли деньги. И ничего с тех пор не изменилось ...

Сам Наполеон однажды в свойственной ему манере изрёк:

«Для войны нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги». Сила его армий была напрямую привязана к стабильности французского франка. Когда Бонапарт пришел к власти в результате переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 года), он унаследовал не просто разрушенную революцией страну, а государство-банкрот. Казна была пуста, бумажные деньги (ассигнаты) обесценились, а доверие кредиторов к правительству равнялось нулю. Без немедленной финансовой реформы его правление закончилось бы, не успев начаться.

В этой книге исследуется финансовый фундамент Наполеоновской эпохи. Мы заглянем в гроссбухи Министерства финансов Франции, изучим механизмы создания Банка Франции и разберем, как Наполеон умудрялся годами вести масштабные войны, практически не прибегая к государственным займам — в отличие от его главного врага, Великобритании. Нам предстоит сравнить финансовые модели ключевых европейских стран-игроков начала XIX века, чтобы понять их сильные и слабые стороны, обеспечившие сначала успех, а затем поражение империи Бонапарта.

Как продажа Луизианы Соединенным Штатам помогла профинансировать содержание колоссального Булонского лагеря при подготовке к вторжению в Великобританию? Правда ли, что побежденные страны сами оплачивали свое покорение через жесткие контрибуции? Как французская экономика, отрезанная от колоний континентальной блокадой, справлялась с колоссальной нагрузкой?

Мы пройдем по финансовому следу Наполеона от его первых итальянских кампаний до финального краха. Вы увидите, что судьба Европы решалась не столько на полях сражений, сколько в тишине кабинетов банкиров, на заседаниях министров финансов, за столами интендантов и бухгалтеров... В конечном итоге, империю, созданную Бонапартом, погубили не только русский героизм, немецкая педантичность и британская хитрость, но и неумолимые законы экономики с сухими данными бухгалтерских счетов.

Вы спросите, зачем нам это нужно знать? Каждый из нас порой попадает в сложные жизненные ситуации. Почему бы не воспользоваться чужим опытом для выхода из них. И пусть Вы не Наполеон, но решительность, смелость, нестандартность мышления, инициатива и действие обязательно превратят Вас в императора своей жизни хотя бы на рабочем месте или в семье. Только ради Бога, не совершайте его ошибок...

Финансовый кошмар: казна, в которой не оказалось золота

Когда ранним утром 11 ноября 1799 года генерал Бонапарт вошел в свой новый рабочий кабинет в Люксембургском дворце в качестве Временного Первого консула, он обнаружил там полный хаос. Кабинет был брошен прежним свергнутым директором – Полем Баррасом. На столе, некогда принадлежавшем королю Людовику XV, валялись недописанные приказы, куски сургуча, рванные бумаги. Даже чер-

нильницы были пусты. Следом за Бонапартом в кабинет вошли два других консула – Эмманюэль Жозеф Сийес и Пьер-Роже Дюко.

Сийес, как это принято считать у историков, был «серым кардиналом» Французской революции. Он давно наблюдал за эффектной восходящей военной карьерой Бонапарта и решил использовать его в своих политических интересах в качестве «силовики». Его блестящие и раздутые пропагандой победы над Австрией в Италии и над турками в ходе похода на Ближний Восток сделали из него романтического героя французов. Сийес сильно рисковал, надеясь на то, что сможет удержать его под своим личным контролем.

Бонапарт умудрялся в условиях жесточайшего финансового кризиса, в который погрузилась Франция после революции, самостоятельно содержать свою армию в ходе итальянского похода. Он брал огромные контрибуции с побежденных городов и присылал в Париж миллионы франков золотом, фактически сделав коррумпированную Директорию финансово зависимой от него. Наполеон лично, без одобрения Парижа, подписал Кампо-Формийский мирный договор с Австрией в октябре 1797 года. Директория была в ярости, но народ ликовал — Наполеон принес Франции долгожданный мир на континенте.

Параллельно Бонапарт активно участвовал в событиях во Франции. В сентябре 1797 года преданные ему воинские части в Париже разогнали депутатов монархистов, победив-

ших на выборах в парламент и спас диктатуру Директории.

Директория стала всерьез опасаться растущей популярности Наполеона в обществе и попыталась убрать его из Парижа, предложив возглавить вторжение в Англию. Бонапарт трезво оценил риски и вместо этого предложил поход в Египет. Он прекрасно понимал, что режим Директории продолжит разлагаться и тянул время. В его голове зрели собственные грандиозные планы на будущее. Уехав в 1798 году на Восток, он заставил Францию скучать по нему.

Из каждой победы в Египте (например, Битвы у пирамид) его пропаганда раздувала триумф вселенского масштаба, а неудачи (разгром флота англичанами) замалчивались. В глазах французов он оставался непобедимым генералом.

Летом 1799 года Франция оказалась на грани новой катастрофы: сформировалась Вторая антифранцузская коалиция, в рамках которой русские войска под командованием Суворова выбили французов из Италии, в Вандее снова вспыхнуло восстание монархистов, а казна Франции была пуста.

Наполеон бросает армию в Египте и в октябре 1799 года тайно возвращается во Францию. Народ, уставший от анархии, инфляции и бессилия Директории, встречал Бонапарта толпами на всем пути от порта Фрежюс до Парижа. Люди видели в нем сильную руку, способную остановить хаос.

Прибыв в Париж, Наполеон демонстративно отказался примыкать к какой-либо политической силе, хотя к нему

приходили и якобинцы, и умеренные роялисты, и директора Директории (Сийес и Баррас). Он слушал всех, но не связывал себя никакими обязательствами, создавая образ национального арбитра, который пришел не ради защиты одной из партий, а ради спасения всей Франции и завоеваний Великой революции. Только когда Сийес предложил ему роль «шпаги» в новом заговоре, Наполеон согласился, зная, что общественное мнение уже подготовлено так, что лидерство Бонапарта в этом союзе станет поистине неизбежным...

Все так и случилось. Прибыв с Наполеоном в Люксембургский дворец, Сийес думал, что они пришли делить верховную власть во Франции и остатки денег в казне. Он сразу кинулся к сейфам в поисках возможно находившегося в них золота, но обнаружил лишь 167 000 франков золотом. Этой суммы не хватило бы даже на то, чтобы покрыть недельные расходы на содержание почтовой службы Парижа.

Сийес в ужасе воскликнул: «Но как же мы будем платить армии через три дня?!». Не обращая внимания на эту панику, Бонапарт сразу проявил себя как лидер. Он сел за стол в центральное кресло председателя, демонстративно показав, кто здесь главный и приказал секретарей принести ему списки личного состава армии, карты дислокации войск и... финансовые отчеты о сборе налогов. Роже Дюко, который изначально был ведомым, сразу же сориентировался в ситуации, повернулся к Бонапарту и публично заявил: «Генерал, пост председателя по праву принадлежит вам». Сий-

ес все ждал, что Наполеон из вежливости откажется или предложит председательствовать по очереди. Однако Наполеон просто кивнул, принял полномочия главы исполнительной власти и сразу перешел к диктовке приказов. Он полностью проигнорировал договоренность о том, что его сфера — только армия.

После беглого, но внимательного ознакомления с поданными налоговыми документами, он немедленно вызвал к себе Мартена Годена — дотошного технократа, пережившего на различных должностях в системе управления финансовой системой Франции и старый королевский порядок, и якобинский террор, и даже бардак, устроенный Директорией.

Годен был полной противоположностью Наполеону. Наполеон являл собой образ импульсивного, громкого, мыслящего масштабами целых континентов гения. Годен же — сухой, педантичный, скучный чиновник в напудренном парике (он носил его до конца жизни, будто гламурный XVIII век так и не закончился, игнорируя тем самым все новые веяния европейской моды). Он мог часами напролет проверять ведомости расходов на закупку сена и сапог. Но именно эта дотошность позволила Наполеону завоевать Европу. Без Годена Великая армия осталась бы разутой и голодной.

Годен, как сказали бы сегодня, был сторонником классического консерватизма: «государственные налоги должны покрывать государственные расходы», «никаких внешних и внутренних займов», и никаких, говоря современным язы-

ком, виртуальных ценных бумаг. Он идеально вписался в будущую наполеоновскую философию «война сама кормит войну».

Наполеон прямо с порога заявил ему: «Гражданин Годен, Вы с этого часа — министр финансов. Мне не нужны ваши теории, мне нужно, чтобы завтра утром налоговая система Франции заработала». Годен принял назначение, и это стало первым реальным экономическим решением Бонапарта, ведь историю движут реальные и конкретные люди.

Уже через 6 дней (!) Годен реорганизовал систему сбора налогов во Франции. Наполеон дал ему краткую характеристику: «Это человек, который умеет делать деньги из тишины».

Анатомия финансового кошмара

Подробно рассмотрим, с чем же столкнулся Бонапарт в первые дни своего консульства?

Директория, пришедшая к управлению революционной страной на волне страха крупной буржуазии перед усиливающимся якобинским террором, за 5 лет полностью обанкротилась. Она не давала обществу новых идей, а ее политика, разрушала Францию через несколько главных механизмов.

Во-первых, устроив «печатное безумие» бумажных денег (так называемых ассигнатов), вызвавшее гиперинфляцию. Эти ассигнаты Директория унаследовала от эпохи якобинской революционной диктатуры. Революционеры изначально выпускали свои деньги не как классическую валюту, а

как государственные облигации. На заре революции их обеспечивали конфискованные церковные и дворянские земли, но к 1799 году этот ресурс закончился — самые доходные участки были распроданы зажиточным крестьянам и буржуа. Чтобы продолжать ведение войн с феодальной Европой, революционеры запустили на полную печатный станок, но в какой-то момент вместо того, чтобы его остановить и провести денежную реформу, новое правительство решило заливать дефицит бюджета свеженапечатанной бумагой.

К началу 1796 года Директория выпустила в обращение астрономический тираж ассигнатов - почти 45 миллиардов франков при том, что реальное количество золота в стране не превышало нескольких сотен миллионов. Такие деньги теряли свою цену не по дням, а по часам. Сто франков стоили меньше бумаги, на которой были напечатаны. Крестьяне отказывались продавать хлеб за «цветные бумажки», что привело к жестокому голоду в городах. Буханка хлеба в Париже стоила тысячи бумажных франков. Люди ходили на рынок с мешками ассигнатов.

В марте 1796 года Директория устроила финансовый фарс. Она объявила о выпуске новых бумажных денег — территориальных мандатов, которые якобы были обеспечены конфискованными землями церкви и эмигрантов. Правительство пообещало обменивать старые ассигнации на новые по курсу 30 к 1. Но печатный станок при этом не останавливали, и за полгода новые мандаты обесценились так же,

как и старые ассигнаты. В феврале 1797 года Директория была вынуждена официально запретить бумажные деньги, вернув страну к хаосу бартера. Был проведен публичный акт: на Вандомской площади в Париже торжественно сожгли печатные станки и пластины для производства ассигнатов. Директория просто законодательно запретила расчеты бумагой между частными лицами, фактически объявив дефолт и бросив население выживать с обесцененными фантиками ассигнатов, мандатов и государственных векселей на руках.

Бонапарт вспоминал о том времени так: «Когда я возглавил правительство, казна была пуста, армия не получала жалованья, а государственные служащие кормились взятками. Бумажные деньги Директории превратили великую нацию в общество фальшивомонетчиков и нищих. Моей первой битвой была битва против пустого сундука». Наполеон всю последующую жизнь панически боялся бумажных денег и государственных долгов поэтому твердо настаивал на золотых и серебряных деньгах.

Во-вторых, Революция уничтожила старый королевский фискальный аппарат, а Директория не смогла или не захотела создать новый.

Сбор прямых налогов на местах был фактически парализован. Провинциальные чиновники и мэры городов либо сами воровали собранное, либо не имели силы заставить граждан платить налоги и сборы.

Поскольку правительство требовало платить налоги бу-

мажными ассигнатами по номиналу, граждане с радостью отдавали государству обесценившийся денежный мусор. Казна ломилась от триллионов мертвых бумажных франков, на которые государство не могло купить даже овес для армейских лошадей.

Когда бумага с дензнаками «умерла», Директория продолжила самоуничтожение финансовой системы Франции - были введены драконовские прямые налоги «на роскошь»: на окна и двери (исходя из их количества в домах), а также наемных слуг. Это привело к тому, что буржуазия начала массово заколачивать окна, увольнять прислугу и закрывать мануфактуры, что еще сильнее обрушило экономику.

В-третьих, самый сокрушительный удар по доверию к государству Директория нанесла в сентябре 1797 года. Столкнувшись с тем, что государственный долг Франции вырос до неподъемных размеров, министр финансов Доминик-Венсан Рамель-Ногаре объявил о реструктуризации, которая вошла в историю как «Банкротство двух третей» («*Banqueroute des deux tiers*»). Правительство официально заявило, что признает и будет выплачивать только одну треть ($1/3$) своего государственного долга, а остальные две трети ($2/3$) долга гражданам и иностранным инвесторам выплатили... специальными бумажными бонами (государственными облигациями). Этими бонами можно было оплатить только покупку национализированных земель. На рынке эти боны мгновенно упали в цене на 80–90 %.

Таковыми действиями Директория одним махом ограбила французский средний класс, банкиров и иностранных кредиторов. С этого момента Франции никто в мире не давал займы ни одного су¹. Понятие «государственный кредит» было уничтожено.

В-четвертых, поскольку государству никто уже больше не верил, Директория попала в рабскую зависимость от мунисьонеров — крупных частных военных подрядчиков и спекулянтов (одним из самых известных был Габриэль Уврар, кстати, оплачивавший огромные долги будущей жены Наполеона - Жозефины Богарне).

Директория не имела живых денег, поэтому заказывала сукно, оружие и зерно для армии в долг под фантастические проценты или в обмен на право собирать налоги в целых французских провинциях. Подрядчики наживали миллиарды, поставляя в армию гнилое зерно, дырявые сапоги и картонные подметки. Солдаты на фронтах голодали, что вынуждало генералов (включая молодого Наполеона в ходе Итальянской кампании) переходить на самоснабжение — то есть на прямой грабеж завоеванных территорий.

Итогом всей этой финансовой политики Директории ста-

¹ Су - (фр. Sou) — это историческое название французской разменной монеты. Ее название пошло от древнеримского золотого солида. В 1795 году Франция перешла на десятичную систему. Су официально заменили монетой в 5 сантимов (1/20 франка). Название «су» так прочно укоренилось, что французы вплоть до перехода на евро в 2002 году неофициально называли «су» монету в 5 сантимов. Сегодня во Франции это слово означает просто «мелочь» или «деньги».

ло то, что Франция всего за несколько лет превратилась в территорию экономической разрухи. Этот опыт показал, что политический режим не может существовать без финансовой дисциплины. Когда Наполеон совершил переворот 18 брюмера, его главной задачей было не просто разогнать коррумпированных директоров, а заново изобрести налоговую службу, создать устойчивый Банк Франции и вернуть в оборот звенящее золото, уничтожив само воспоминание о бумажном кошмаре Директории.

Образно говоря, Наполеон получил в управление автомобиль с мощным мотором (патриотический подъем французской нации), у которого отсутствовал бензобак (финансы).

Наполеон понимал: без твердых денег армия не сдвинется с места. Стране нужна надежная финансовая система. Он совершает революционный шаг и привлекает на свою сторону тех, кого презирали радикальные якобинцы — крупных частных банкиров Парижа. 18 января 1800 года Наполеон подписывает указ о создании Банка Франции. **Это был гениальный компромисс между государством и частным капиталом. Банк Франции основывался как частное акционерное общество. Сам Наполеон, его родственники и приближенные маршалы купили первые пакеты акций, показав личный пример бизнесу.**

Определяющую роль в создании Банка Франции сыграла так называемая «Haute Banque» — Высшая банковская лига Парижа. Ее олицетворяли банкиры Жан-Фредерик Перрего,

Жан-Бартелеми Лекуте де Кантеле и Гийом Малле. Они не просто выполнили приказ Наполеона Бонапарта — они выступили его главными теневыми спонсорами и соучредителями, заложив фундамент современной финансовой системы страны. Это те люди, которые сначала тайно оплатили приход Наполеона к власти, а затем получили от него главный финансовый приз Республики.

Как банкиры купили порядок для Франции

В разгар хаоса Директории Перрего, Лекуте и Малле возглавляли частные коммерческие структуры, которые чудом выживали в условиях разрухи. Им требовался жесткий лидер, способный остановить анархию и защитить крупный капитал. Поэтому они сделали ставку на молодого генерала Бонапарта, тайно выделив ему при посредничестве будущего министра иностранных дел Талейрана деньги на организацию переворота 18 брюмера (500 тысяч франков оформили как займ, чтобы не рисковать в случае провала переворота).

Сохранился такой исторический анекдот. Бонапарт на первой же встрече якобы прямо сказал банкирам: «Господа, мне нужен заем в 12 миллионов франков, чтобы накормить армию. Если вы дадите его мне сейчас под честное слово, я наведу порядок. Если не дадите — завтра к вам придут якобинцы с гильотиной и заберут всё». Банкиры оценили прямоту генерала и выдали деньги за один вечер.

Так это было или нет, но уже спустя два месяца, 18 января

1800 года, Наполеон подписал указ о создании Банка Франции.

Главным лоббистом и Председателем Совета регентов Банка стал Жан-Фредерик Перрего, пожалуй, самая влиятельная фигура в этой теневой тройке. Выходец из Швейцарии, он обладал колоссальными связями по всей Европе. Базой Банка стала Касса текущих счетов (Caisse des Comptes Courants) — частное объединение парижских банкиров, которое Перрего возглавлял. Именно эта структура вместе со своими капиталами, клиентами и технологиями была полностью поглощена и легла в основу создаваемого Банка Франции. Перрего управлял операционной деятельностью, выстраивал его внутреннюю структуру и лично следил за тем, чтобы Банк бесперебойно кредитовал военные нужды Бонапарта.

Жан-Бартеlemi Лекуте де Кантеле — политический таран Банка. Если Перрего отвечал за чистые деньги, то Лекуте де Кантеле обеспечивал проекту политическую крышу. Он происходил из древнего и богатейшего руанского купеческого рода и имел колоссальный вес в законодательных органах Франции в период с 1789 по 1818 годы. Лекуте был одним из тех, кто лично убедил Наполеона, что государству жизненно необходим союз с частным капиталом. Он доказывал: если правительство даст банкирам монополию, те вернут в страну доверие к бумажным деньгам. Лекуте де Кантеле занял второе кресло в Совете регентов Банка Франции. Он исполь-

зовал свой авторитет, чтобы заставить французскую буржуазию достать золото из подполья и понести его на депозиты нового учреждения. В награду за преданность Наполеон позже сделал его графом Империи.

Третий банкир — Гийом Малле, был представителем старейшего протестантского банкирского дома Mallet Frères, существовавшего еще с начала XVIII века. Малле олицетворял финансовые традиции и безупречную репутацию. Он вошел в первый состав Совета регентов и взял на себя самую скучную, но важную часть работы — дисконтирование коммерческих векселей. Он лично проверял надежность купцов, которые просили у Банка Франции кредиты. Когда в 1805–1806 годах Банк Франции пережил тяжелый кризис из-за спекуляций Уврара, Наполеон, устроив разнос правительству, обратился именно к честному Малле. Малле разработал новые, более жесткие уставы Банка Франции, которые спасли его от банкротства. Династия Малле удерживала кресла в совете директоров Банка Франции вплоть до середины XX века².

Таким образом, учреждение Банка Франции стало «Сделкой века» между диктатурой и олигархией. Наполеон дал

² Сразу после окончания Второй мировой войны Временное правительство Французской Республики во главе с Шарлем де Голлем взяло курс на жесткое государственное регулирование экономики. 2 декабря 1945 года был принят закон о полной национализации Банка Франции. Все частные акционеры, включая семью Малле, были окончательно отстранены от владения центральным банком, а их акции принудительно выкуплены государством в обмен на облигации

Перрего, Лекуте и Малле эксклюзивную монополию на выпуск банкнот в Париже, защитил их собственность штыками своей гвардии и лично купил первые акции их детища, сделав Банк Франции главным фискальным бастионом страны. Банкиры дали Наполеону то, чего у него не было в ноябре 1799 года — первоначальный кредит, стабильную валюту и доверие делового мира, без которых он никогда не смог бы профинансировать свои первые имперские походы.

Так была создана финансовая основа политики бонапартизма - лавирования власти между различными социальными группами и классами, сочетающая жесткое единоличное правление с демагогией и видимостью всенародного одобрения. Сама же Франция в результате решительных действий Бонапарта превращалась в акционерное общество по захвату мира.

Военная элита становится бизнес-партнерами банкиров

Создание Банка Франции 18 января 1800 года — это уникальный пример слияния государственной диктатуры и частного олигархического капитала. Как уже было сказано выше, чтобы заставить парижских банкиров поверить в проект, Наполеон Бонапарт пошел на беспрецедентный шаг: он и его ближайшее окружение лично выкупили первые пакеты акций, став прямыми коммерческими партнерами финансистов.

Начальный капитал банка составлял 30 миллионов франков (30 000 акций номиналом по 1 000 франков каждая). Из-за недоверия бизнеса к новой власти в первый месяц удалось продать менее половины акций, и именно «военный консорциум» Бонапарта спас ситуацию.

Ниже представлена смета личных вложений Наполеона и его генералов в акции Банка Франции, составленная по архивным спискам первых подписчиков.

Итак, давайте рассмотрим реестр вложений военно-политической элиты в капитале Банка:

Акционер

Должность / статус

Количество акций

Сумма вложений

(в золотых франках)

Исторический

контекст

Наполеон Бонапарт

Первый консул

30

30 000

Подписчик №1

в официальном реестре банка. Демонстрация
личного примера элите

Жозеф Бонапарт

Брат Наполеона, дипломат

10

10 000

Демонстрация того,

что клан Бонапартов связывает свое будущее

с этим банком

Гортензия Богарне

Падчерица Наполеона

10

10 000

Вложения шли по линии семейных фондов Жозефины

Иоахим Мюрат

Генерал кавалерии (будущий маршал)

10

10 000

Вложил деньги сразу после женитьбы на сестре Наполео-

на, Каролине

Жан-Батист Бернадот

Генерал (будущий маршал и король Швеции)

10

10 000

Несмотря на сложные отношения с Наполеоном, инвестировал в главный финансовый инструмент

Кристоф Дюрок

Генерал, доверенное лицо Бонапарта

5

5 000

Инвестировал личные сбережения из военных премий

Луи-Александр Бертье

Начальник главного штаба (будущий маршал)

5

5 000

Главный военный мозг Наполеона зафиксировал свою долю в бизнесе

Шарль-Морис де Талейран

Министр иностранных дел

20

20 000

Циничный дипломат прекрасно понимал выгоду монополии и вложил крупную сумму

Жозеф Фуше

Министр полиции

10

10 000

Глава спецслужб инвестировал деньги, полученные от те-
невого контроля игорных домов Парижа

Зачем понадобился столь оригинальный союз банкиров и
силовики?

Во-первых, Наполеон строил корпоративное государство,
в котором генералы должны были стать не просто наемными
служащими, а акционерами «Французской империи». По-
добная финансовая система позволяла ему в свою пользу
преодолеть конфликт интересов - в эпоху отсутствия самих
понятий о какой-либо прозрачности, Наполеон как глава го-
сударства наделил Банк Франции монополией на эмиссию
денег, и он же, как частное лицо, получал от этой монополии
прямые дивиденды.

Во-вторых, садясь в один совет директоров с Перрего,
Малле и Лекуте, наполеоновские генералы гарантировали
банкарам, что армия защитит их частную собственность от
любых левых радикалов и якобинцев. Олигархия получила
штыки, военные получили стабильный доход.

В-третьих, возможно самое главное – новая французская
власть получила свободный доступ к инсайдерской торговле
на финансовом рынке. Так, например, сам Наполеон Бо-
напарт продал (!) личные акции Банка Франции за три дня
до битвы при Ватерлоо в 1815 году. Понимая, что идет ва-
банк и исход битвы непредсказуем, он совершил классиче-

ский инсайдерский сброс активов, чтобы спасти свой капитал от неминуемого биржевого краха в случае военного поражения.

Бонапарт ввел «золотое правило» — государство дает Банку монополию на выпуск банкнот, а Банк обязуется жестко контролировать объемы печати и гарантировать обмен каждой бумажки на чистое золото по первому требованию.

Колючий ошейник для биржевых спекулянтов

Наполеон жестко «зачистил» биржу. Банкиры быстро уловили, что новый правитель не будет грабить их, как якобинцы, но потребует абсолютной дисциплины.

Тут следует отметить, что Бонапарт искренне презирал биржевых игроков, считая их паразитами на теле государств, подрывающими доверие к государственным институтам и стабильность нации. Его «зачистка» состояла из комплекса радикальных правовых, структурных и полицейских мер.

В 1801 году Наполеон официально воссоздал Парижскую биржу (закрытую во время революции), но полностью переписал правила её игры. Он ограничил число биржевых маклеров (агентов по обмену — *agents de change*), одновременно предоставил маклерам жесткую монополию на совершение сделок. Сторонним лицам запретили самостоятельно торговать на бирже.

Биржевых посредников лишили права объединяться в акционерные компании и синдикаты. Каждый маклер нес пер-

сональную и полную материальную ответственность за свои действия.

Был введен запрет на «воздушные» спекуляции.

Главным инструментом извлечения доходов для спекулянтов были срочные (фьючерсные) контракты и торговля вслепую на колебаниях курсов. Наполеон законодательно запретил продажу ценных бумаг, которыми продавец фактически не владел на момент сделки (шорты / «короткие позиции»)³.

Заключение контрактов «на разницу» (когда физически активы не передавались, а игроки лишь выплачивали друг другу разницу в курсах по прошествии времени) приравнивалось к незаконному азартному бизнесу. Спекуляция «воздухом» была отнесена к уголовно наказуемым деяниям.

Был установлен жесткий полицейский контроль за деятельностью биржи. Ее вывели из разряда частных клубов и подчинили Министерству полиции. За торговым залом велось гласное и негласное наблюдение агентов Жозефа Фуше (главы тайной полиции Франции). Любые попытки разогнать панику, распространять ложные слухи ради изменения котировок или сбивать курс государственных облигаций вели к немедленному аресту, крупным штрафам и тюремному

³ В эпоху Наполеона шорты назывались «продажей на разницу» или «воздушной торговлей». Крупные спекулянты умышленно распространяли панические слухи (о поражении армии, болезни консула и т.д.), чтобы обрушить государственные облигации, скупить их за бесценок, закрыть шорты и зафиксировать огромную прибыль

заключению. Нелицензированные уличные брокеры («кулисы»), которые традиционно собирались возле здания биржи для проведения серых сделок, разгонялись жандармерией.

Создание Банка Франции избавило государство от зависимости от частных банкиров и биржевых синдикатов. Государство получило собственный мощный рычаг эмиссии и регулирования ликвидности. Биржевые воротилы больше не могли шантажировать правительство отказом в кредитах или обрушением курса ассигнаций.

Наполеон превратил Парижскую биржу из стихийного спекулятивного центра в строгий департамент по распределению государственного долга и надёжных акций. Коммерческое право (Торговый кодекс 1807 года) закрепило эти правила более чем на век. Рисковые спекулянты и финансовые авантюристы были вынуждены либо уйти в глубокое подполье, либо переместить свои капиталы на свободную Лондонскую биржу. Государство этот раунд у частного капитала выиграло.

«Золотой век» Наполеоновской империи

Период с 1805 по 1809 год стал в прямом и переносном смысле золотым веком Французской империи. Победы под Ульмом, Аустерлицем, Йеной, Фридландом и Ваграмом не просто перекроили карту Европы, но и наводнили Францию колоссальным количеством иностранного золота в виде контрибуций.

Для маршалов и генералов, которые выкупили акции Банка Франции на заре Консульства, эти военные триумфы обернулись грандиозным ростом личного капитала. Корпоративная модель Наполеона сработала безупречно: чем успешнее маршалы воевали на фронте, тем больше дивидендов получали и более богатыми людьми они становились.

Чтобы стал понятен масштаб финансового триумфа, нужно взглянуть на динамику стоимости одной акции на Парижской бирже. Напомним, номинал акции при создании в 1800 году составлял 1 000 франков. Итак.

Шаг первый — осень 1805 года (кризис перед Аустерлицем). Из-за паники, вызванной Трафальгарским разгромом французского флота и спекуляциями банкира Увра⁴, Банк Франции временно ограничил выплаты золотом. Акции рухнули до 910 франков. Генералы, не успевшие продать доли, несли виртуальные убытки.

Шаг второй — январь 1806 года (эффект победы Наполеона при Аустерлице). Победа над русскими и австрийцами спасла экономику. Наполеон изъясил у Вены 40 миллионов франков контрибуции. Акции мгновенно взлетели до 1 150 франков.

Шаг третий — конец 1807 года (эффект Йены и Тильзита). Франция сокрушила Пруссию. «Военный пылесос»

⁴ Пока Наполеон стремительно шел со своими войсками к Аустерлицу, в Париже разворачивалась финансовая катастрофа. Суть грандиозной спекуляции Увра и его компании «Объединенные торговцы» (Négociants réunis) состояла из нескольких этапов:

Наполеона выкачал из Берлина гигантские 140 миллионов франков. Акции на бирже пробили исторический максимум, поднявшись до 1 350 франков за штуку. Прирост чистой стоимости капитала маршалов составил 35% только на курсовой разнице.

Дивиденды по акциям Банка Франции выплачивались дважды в год (по полугодиям). В годы побед Наполеон жестко требовал от регентов банка (Перрего и Малле) распределять прибыль в пользу акционеров, чтобы крепче привязать элиту к трону.

Вот лишь некоторые примеры получения реального пассивного дохода маршалов, владевших пакетами акций.

Иоахим Мюрат имел пакет в 10 акций. Его первоначальные инвестиции в 10 000 франков к 1808 году превратились в 13 500 франков. Мюрат получал около 900 франков в год чистого дивидендного дохода. Для маршала, получавшего огромные оклады от Наполеона, это была приятная «карманная» сумма, которая полностью окупала содержание его кавалерийских выездов и покупку элитных арабских скакунов.

Жан-Батист Бернадот владел пакетом из 10 акций и стабильно забирал свои 850–900 франков в год. Интересно, что эти дивиденды продолжали капать на его счет в Париже, даже когда он воевал в Пруссии. Бернадот, будучи человеком невероятно экономным (и даже скупым), не снимал эти деньги, позволяя им накапливать сложный процент.

Шарль-Морис де Талейран приобрел пакет из 20 акций. Благодаря капитализации его пакет подорожал с 20 000 до 27 000 франков. Как самый прозорливый из гражданских чиновников, Талейран получал от Банка до 1 800 франков в год. Это золото ложилось в основу его гигантского теневого капитала, который он позже использовал для подкупа иностранных дипломатов.

Чтобы у нашего читателя не сложилось ложное впечатление, будто маршалы Бонапарта жили исключительно на эти скромные банковские дивиденды, сделаем важное примечание: Наполеон использовал Банк Франции как транзитный денежный хаб. Потекшие рекой контрибуции из поверженных в войнах Вены и Берлина регенты банка упаковывали в государственные облигации и целевые гранты.

В 1808 году, создавая под свою империю классовую опору в виде так называемого «дворянства Империи» за счет слияния старой и новой элиты Франции, Наполеон выдал маршалам колоссальные премии из средств своей Чрезвычайной казны⁵. Например, Маршал Даву получил ординаты (доходы с земель) на сумму 140 000 франков в год. Маршал Ней

⁵ «Чрезвычайная казна» (*trésor extraordinaire*) относился к специальному внебюджетному фонду Французской империи, куда поступали контрибуции, военная добыча и доходы с оккупированных территорий, шедшие напрямую на финансирование военных кампаний в обход стандартного государственного бюджета. Средства Чрезвычайной казны Оплата военных расходов, содержание Великой армии, выплаты премий высшему генералитету и секретные операции. Наполеон лично и единолично распоряжался этим фондом, не отчитываясь перед министром финансов.

получил ежегодную ренту в 30 000 франков. Эти гранты обслуживались через структуры Банка Франции. Таким образом, победы при Аустерлице и Йене превратили вчерашних нищих солдат революции в крупнейших землевладельцев и капиталистов Европы. Они воевали за Наполеона, но их личное богатство было напрямую завязано на то, чтобы Банк Франции исправно переваривал золото побежденных стран.

Таким вот образом, Великая армия была мотивирована не только абстрактным понятием «воинской славы», но и вполне осязаемыми дивидендами, росшими после каждой выигранной кампании.

Жерминальский франк: золотой стандарт империи

В 1803 году (7 жерминаля XI года по республиканскому календарю) Наполеон проводит главную денежную реформу своей жизни. Он вводит в обращение жерминальский франк.

Это была монета, чья ценность была неизменна и законодательно зафиксирована.

Серебряный франк: 5 граммов серебра (900-й пробы).

Золотой франк: 0,29 грамма чистого золота.

Знаменитый золотой «Наполеондор» номиналом в 20 франков стал самой надежной валютой Европы. Его вес составлял 6,45 грамма. Чистого золота в составе — 5,80 грамма. И самое главное — стабильность курса сохранялась более века — до 1914 года, до есть до начала Первой мировой войны!

Главным психологическим итогом финансовой реформы стало то, что Наполеон наконец-то вернул французам доверие к деньгам. Крестьяне вытащили золото из-под полов и понесли его в оборот. Торговля ожила. Казна начала наполняться реальной, звенящей монетой, а не обесцененной бумагой. Именно это золото позволило Наполеону создать и вооружить легендарную Великую армию, которой вскоре пришлось скрестить оружие с далекой и загадочной Российской империей.

Уважаемый читатель может глубже ознакомиться с реальной «финансовой кухней» наполеоновской эпохи. Большинство этих материалов оцифровано Французской национальной библиотекой (BnF) и Государственным архивом Франции. Можно особо здесь выделить следующие.

«Записка о состоянии финансов Республики на 18 брюмера VIII года» (*Mémoire sur l'état des finances de la République*) — это официальный отчет Мартена Годена, составленный для Наполеона в первую неделю после переворота. В ней зафиксирована та самая катастрофическая цифра — 167 тысяч франков остатка в казне, а также детально описан развал налоговых органов в провинциях.

«Указ от 28 нивоза⁶ VIII года (18 января 1800 года) о

⁶ Название происходит от латинского слова *nivus*, что означает «снежный». Нивоз (*Nivôse*) — это четвертый месяц французского республиканского (революционного) календаря, который использовался во Франции в период с 1793 по 1805 годы. В Григорианском календаре нивоз примерно соответствовал периоду с 21–23 декабря по 19–21 января. Точная дата начала каждый год немного сдвигалась.

создании Банка Франции» — это учредительный документ Банка со списком первых акционеров.

«Закон от 7 жерминаля XI года (28 марта 1803 года) о денежной реформе» (Loi du 7 germinal an XI) — это документ, установивший «жерминальский франк» и стандарты чеканки золотого наполеондора, жестко фиксировавший соотношение серебра и золота (1:15.5) и положивший конец 15-ти годам революционного финансового безумия.

«Переписка Наполеона I» (Correspondance de Napoléon Ier), тома VI и VII (период Консульства) — особенно будут интересны письма Наполеона к Годену и Барбе-Марбуа (министру казначейства), полные яростных и точных математических расчетов. Наполеон лично проверял балансы и устраивал разносы за перерасход в несколько сотен франков.

Решение Бонапартом внутрифранцузского конфликта между желаниями людей и их возможностями по злой иронии судьбы вело Францию к конфликту внешнему. Ее извечный и очень коварный островной соперник, расположенный севернее Ла-Манша, все эти годы не дремал. Всем известно, что Англия на своем вооружении имела самый мощный флот в мире, однако не все знают, что основным ее орудием всемирного влияния был кредит. Пока Бонапарт трясся над каждым золотым франком, британцы изобрели гениальную финансовую иллюзию, позволявшую им тратить бешен-

галась, так как первый день революционного года должен был всегда совпадать с днем осеннего равноденствия

ные деньги, которых у них физически не было. Об этом – следующая глава нашей книги.

Глава 2

Глава 2. Британский «печатный станок»

Финансовое оружие Сент-Джеймского двора1: как долг стал богатством

Это сейчас мы привыкли почти ко всему. А вот британская финансовая система начала XIX века (в 1800 – 1816 годах) выглядела парадоксально, почти безумно. Государственный долг Великобритании рос астрономическими темпами, но страна не беднела, а богатела. В основе этого феномена лежали различия в менталитете. Для французов долг являлся однозначно позором, слабостью, дорогой в долговую тюрьму (как при короле Людовике XVI). Эта установка передалась Наполеону, панически боявшемуся займов. Вот что значит традиция!

Британский подход к долгам был совсем иным. Долг являлся разновидностью капитала, а значит долги можно было купить и продать. Британское правительство превратило свой государственный, вернее, как оно его само называло, национальный долг в самый надежный инвестиционный инструмент в мире — консоли (consols). Британские государственные облигации (консоли) не имели срока выплаты и фиксированной даты погашения. Они просто гарантировали вечный купонный доход (около 3% годовых).

Если вы покупали у государства облигацию номиналом 100 фунтов стерлингов, государство обязывалось платить вам по 3 фунта каждый год. И так до бесконечности. При этом Вы не могли прийти в министерство финансов и потребовать свои 100 фунтов обратно.

Богатые люди со всего мира — от лондонских купцов до голландских банкиров и даже тех же французских аристократов — скупали английский долг. Они верили, что британский парламент никогда не объявит дефолт. Англия превратилась в гигантский мировой пылесос, качающий свободный капитал со всей планеты из которого обратно «выплевывались» лишь 3 процента в год.

Реакция Британии на Великую революцию во Франции

Тем временем в соседней Франции нарастал внутренний кризис. Желание отомстить Великобритании за свое поражение в Семилетней войне середины XVIII века втянуло французскую монархию во внешнеполитическую авантюру поддержки американской Войны за независимость, вызвавшую сокрушительный финансовый кризис при короле Людовике XVI и фактически запустившую цепочку событий, приведших к Великой французской (буржуазной) революции.

Франция потратила на прямую помощь американским колонистам, а также на ведение сопутствующей морской и сухопутной войны против Англии астрономическую сумму —

около 1,3 миллиарда ливров²⁷. Это было эквивалентно всему государственному доходу Франции за целый год.

Вместо повышения налогов министр финансов Жак Неккер финансировал эту войну за счет огромных внутренних и внешних кредитов. Из-за этого к 1780-м годам государственный долг вырос до неподъемных 3,3 миллиардов ливров. К 1788 году более половины всего бюджета страны уходило исключительно на выплату процентов по набранным кредитам. Дефицит бюджета превысил 20%.

Кризис усугубился глубокими системными проблемами.

²⁷ Ливр (не путать с ливером) — это главная денежная единица Франции со времен Средневековья до конца XVIII века. Само слово происходит от латинского *libra* (фунт), так как изначально ливр соответствовал фунту серебра. Французская денежная система до 1795 года была двенадцатеричной и делилась следующим образом: 1 ливр = 20 су, 1 су = 12 денье. Таким образом, в одном ливре было 240 денье. Ливр был счетной единицей. Было невозможно положить в карман монету номиналом в «1 ливр» (такие монеты чеканились крайне редко и недолго). В ливрах вели бухгалтерию, считали государственные долги и налоги. В реальности расплачивались другими монетами: золотыми луидорами (стоил 24 ливра), серебряными экю (стоил 6 ливров) и медными су и денье. Чтобы понять масштаб долга Франции в 1,3 миллиарда ливров за американскую войну, посмотрите на цены и зарплаты того времени: 4-5 ливров — средний недельный заработок парижского рабочего или ремесленника. 12 ливров — годовой налог обычного крестьянина. 1 ливр — средняя стоимость 4-фунтовой буханки хлеба в обычный год. В кризисный 1789 год из-за неурожая цена хлеба взлетела до 14-15 су (почти ливр), что составляло 80% дневного дохода рабочего и вызвало революцию. 140 000 ливров — годовое содержание Вольтера от короля. В августе 1788 года из-за долгов Франция объявила банкротство — казна перестала выплачивать наличные ливры по государственным обязательствам. В 1795 году революционное правительство окончательно отменило ливр и ввело новую валюту — франк, который перешел на удобную десятичную систему.

Основное налоговое бремя несло так называемое «третье сословие» (крестьяне и буржуазия), тогда как богатейшие сословия — дворянство и духовенство — были полностью освобождены от большинства налогов.

На Людовика XVI также давили огромные долги, оставшиеся от расточительного правления его деда Людовика XV.

На финансовый крах наложились сильнейшая засуха 1785 года, неурожай 1788 года и суровая зима, вызвавшие голод и хлебные бунты по всей стране.

Чтобы спасти страну от банкротства, Людовик XVI попытался заставить дворян платить налоги, но натолкнулся на их жесткий отказ. В итоге он был вынужден созвать представителей (депутатов) от сословий - Генеральные штаты (парламент), что и послужило официальным началом революции в 1789 году.

Французские министры финансов не смогли спасти экономику, потому что высшая аристократия и суды заблокировали любые попытки заставить богатых платить налоги. Людовик XVI сменял одного министра за другим (Тюрго, Неккер, Калонн, Бриенн), но все они упирались в жесткую стену сословных привилегий.

Дворянство и духовенство владели большей частью земель в стране, но были полностью освобождены от уплаты земельного налога. Все попытки министров ввести единый налог для всех сословий провалились.

Региональные суды (парламенты), состоявшие из богатых

аристократов, обладали правом регистрировать королевские указы. Они систематически накладывали вето на любые налоговые реформы, защищая свои кошельки.

Людовик XVI часто соглашался с планами министров, но под давлением придворной знати и королевы Марии-Антуанетты быстро уступал и отправлял реформаторов в отставку.

Когда министр Калонн в 1787 году созвал Собрание нотаблей (высшей знати), чтобы утвердить налоги, аристократы заявили, что только Генеральные штаты (древний сословно-представительский орган) имеют право вводить новые сборы.

В августе 1788 года Франция официально объявила себя банкротом.

Когда в 1789 году началась революция, британское общество в целом злорадствовало и одобряло действия французских революционеров. Правительство во главе с премьер-министром Уильямом Питтом-младшим заняло позицию нейтрального наблюдателя.

Британцы радовались ослаблению своего векового геополитического соперника. Королевство Франция, финансировавшее американскую революцию и вогнавшее себя в долги, теперь было парализовано внутренними спорами.

Британским либералам казалось поначалу, что французы просто повторяют их собственную Славную революцию 1688 года — пытаются ограничить абсолютизм и создать цивилизованную конституционную монархию по английскому об-

разцу. Однако же ситуация резко изменилась, когда революция во Франции переросла в террор и экспансию.

Казнь короля Людовика XVI в январе 1793 шокировала британский истеблишмент (правлящий класс). В Англии был объявлен траур, а французский посол выслан из страны. Далее угроза Британии только нарастала.

Французские революционные войска в ноябре 1792 года заняли Бельгию и объявили об открытии судоходства по реке Шельда, что напрямую угрожало британским торговым интересам в Нидерландах.

В том же ноябре 1792 года Конвент Франции издал «Декрет о братстве и помощи», обещавший помощь «всем народам, желающим вернуть свободу». Франция взяла курс на мировую революцию. Для Лондона это означало прямую угрозу восстания внутри самой Британии и в Ирландии. 1 февраля 1793 года Франция сама объявила войну Великобритании.

Французская революция вызвала в Англии мощнейший идеологический раскол, заложивший основы современного консерватизма и либерализма.

В 1790 году идеолог британских консерваторов Эдмунд Бёрк написал пророческую книгу «Размышления о революции во Франции», где предсказал, что уничтожение традиционных институтов приведет к террору и военной диктатуре. Бёрк убедил элиту, что революция — это «политическая чума», которую нужно уничтожить.

В ответ на манифест Бёрка идеолог радикалов Томас Пейн написал трактат «Права человека», защищавший революцию. В Англии возникли «корреспондентские общества» (фактически рабочие клубы), которые требовали избирательной реформы и симпатизировали Парижу.

Опасаясь, что революционные идеи перекинутся через Ла-Манш, Уильям Питт перешел к жесткой внутренней политике, которую оппоненты называли «Питтовским террором».

Было временно отменено действие Habeas Corpus (запрет на арест без суда), введена жесткая цензура прессы, радикальные лидеры были отданы под суд по обвинению в государственной измене или высланы в Австралию. Любые массовые собрания без санкции властей оказались под запретом.

Великобритания понимала, что ее сухопутная армия мала, поэтому в противостоянии с Францией сделала ставку на два главных своих оружия.

Во-первых, на Королевский флот, который заблокировал французские порты, стремясь задушить экономику Франции и отрезать ее от колоний. Во-вторых, Британия стала главным спонсором европейских монархий. Огромные средства из Лондона направлялись на финансирование армий Австрии, Пруссии и России, чтобы те воевали против Франции.

Именно такое бескомпромиссное отношение Великобритании к французской революции, сформированное в 1790-е

годы, сделало ее главным архитектором победы сначала над революционной экспансией, а впоследствии и над империей Наполеона.

Великий слом 1797 года: бумажный фунт без золотого дна

В 1797 году, за два года до прихода Наполеона к власти, Англия оказалась на грани катастрофы. Из-за паники, вызванной слухами о возможном французском вторжении, люди бросились в Банк Англии менять бумажные фунты на реальное золото. Золотой запас банка растаял до критических 1 миллиона фунтов.

Тогда премьер-министр Уильям Питт-младший пошел на беспрецедентный шаг, который Наполеон посчитал бы безумием. Он издал «Акт о запрещении наличных расчетов» (Bank Restriction Act 1797), согласно которому Банку Англии запретили обменивать бумажные банкноты на золото, а фунт стерлингов стал чисто «бумажной» (сегодня бы сказали виртуальной) валютой.

Уильям Питт-младший, выступая в парламенте и обосновывая бумажный фунт, сказал: «Наше золото — это наше трудолюбие, наш флот и наш кредит. Пока мир верит британскому купцу, бумажный фунт будет стоить дороже испанского дублона».

Вместо финансового краха Англия получила финансовую суперсилу. Отвязав фунт от золотого якоря, Питт смог вклю-

читать печатный станок на полную мощность, чтобы финансировать войну против Франции.

Наполеон искренне верил, что эта «бумажная пирамида» вот-вот рухнет, как это случилось с Директорией. Он писал Годену: «Англия — это колосс на бумажных ногах. Их долги превышает все мыслимые размеры. Рано или поздно эта финансовая система лопнет, как мыльный пузырь, и тогда британская спесь закончится». Бонапарт ждал этого краха долгих 15 лет, но так и не дождался. Доверие к британскому парламенту и купеческому слову оказалось прочнее золотых слитков.

В эпоху Наполеона в Европе сложились две яркие концепции экономической мысли:

Великобритания **Наполеоновская Франция**

Финансовый авангардизм
Финансовый консерватизм

Бумажный фунт
(без привязки к золоту)
Только твердая монета
(золото)

Госдолг как главный мотор войны

Страх перед госдолгом и займами

Война за счет мирового кредита

Война за счет контрибуций,

взятых с потерпевших

поражение стран

Финансовый механизм «Субсидий Питта»: Как это работало на практике

Британские субсидии воюющим с Францией монархиям не были благотворительностью. Это были жесткие коммерческие контракты, где товаром являлись воинские части, развернутые против Наполеона, а покупателем — Сент-Джеймский двор (Лондон). Обычно формула расчета выглядела следующим образом:

Подъемные (Preparation money) — фиксированная сумма, которую Англия выплачивала союзнику (России или Австрии) сразу после подписания союзного договора. Эти деньги шли на мобилизацию, покупку лошадей и заготовку провианта.

Ежемесячное содержание — сумма, привязанная к количеству штыков и сабель, реально выставленных союзной монархией на поле боя.

Стандартная ставка — в среднем Англия платила от 12 до 15 фунтов стерлингов в год за каждого солдата. Соответственно, за сотысячную армию Россия или Австрия могли

рассчитывать примерно на 1,25–1,5 миллиона фунтов стерлингов в год.

И вот пример! В рамках так называемой Третьей коалиции (1805 год) Англия обязалась выплатить России субсидию в размере 1 250 000 фунтов за каждые 100 000 русских солдат, отправленных в поход. Для Петербурга это были гигантские деньги, способные покрыть значительную часть дефицита бюджета и хотя бы частично гигантские долги, оставленные императрицей Екатериной II. Таким образом для Российской империи стало крайне выгодно вести длительные войны с Францией на английские деньги. Возможно, что стало выгодно как можно дольше не побеждать Наполеона.

А как же без Ротшильда?

Живым воплощением британской финансовой мощи стал Натан Майер Ротшильд — «контрабандист на службе Его Величества».

Лондону мало было напечатать бумажные фунты — английским войскам в Испании под командованием Веллингтона требовалось реальное золото (испанские партизаны и португальские крестьяне не принимали бумагу). Ротшильд провернул гениальную шпионско-финансовую операцию. Он скупал золотые слитки по всей Европе, а затем, используя коррумпированную французскую таможенную и слепого самого Наполеона (который думал, что это золото инвестируется во французскую экономику, а сам золотой отток

обескровит Англию), через всю территорию Франции тайно перевозил золото на юг, снабжая Веллингтона. Французская полиция иногда ловила контрабандистов, не понимая, что эти деньги оплачивают пули, летящие в их солдат в Испании.

Читатели могут ознакомиться с некоторыми британскими документами:

«Акт о запрещении наличных расчетов» 1797 года (Bank Restriction Act 1797) — этот парламентский акт стал манифестом, провозгласившим рождение современной финансовой системы фиатных (бумажных) денег;

Отчеты «Комитета по золотому слитку» (Bullion Report, 1810) — это уникальный документ британского парламента, где лучшие умы эпохи спорили, почему фунт падает к золоту и как контролировать инфляцию во время тотальной войны с Наполеоном.

Так начинался один из самых драматичных и циничных эпизодов в экономической истории наполеоновских войн. Французская пропаганда и сам Наполеон язвительно называли эти выплаты «золотом Питта» (в честь британского премьера Уильяма Питта-младшего), утверждая, что Англия просто покупает славянское и немецкое «пушечное мясо», чтобы не проливать кровь собственных граждан.

Таким вот образом виртуальный британский кредит превращался в реальные армии на континенте.

Логистический кошмар: Как передать миллионы

через воюющую Европу?

Напечатать фунты в Лондоне — полдела. Главной проблемой было доставить эти огромные суммы в Вену или Санкт-Петербург в условиях, когда почти вся Европа объята войной, а дороги кишат французскими шпионами и каперами (примечание автора — пираты на службе своего государства). Перевозимое в наличном виде по суше золото — это уже предельно огромный риск. Британцы использовали три основных финансовых шлюза.

Во-первых, так называемый вексельный конвейер. Это был основной путь передачи финансовых средств. Британское казначейство выписывало векселя (тратты). Российские или австрийские послы в Лондоне принимали их и пересылали в свои столицы. Затем правительства в Вене или Петербурге продавали эти векселя крупным европейским банкирским домам (например, в Амстердаме, Гамбурге или Франкфурте) в обмен на местную наличную монету (талеры, флорины, дукаты).

Во-вторых, использовались прямые морские конвои. Их начали использовать в тот момент, когда вексельная система давала сбой (например, Наполеон захватывал финансовые центры вроде Гамбурга). Тогда Англия отправляла военные корабли, забитые слитками золота и серебра. Для России конечной точкой были Кронштадт или Архангельск. Так, в 1812–1813 годах в разгар полуфинальной борьбы с Наполеоном, британские корабли доставили в Россию миллионы

фунтов стерлингов в звонкой монете и военных материалах (ружья, сукно, порох).

В-третьих, посредством банальной контрабанды через секретную сеть Ротшильдов. Натан Ротшильд создал уникальную сеть агентов, которая обналачивала британские субсидии прямо на «заднем дворе» Наполеона, используя теневые схемы обмена валют и скупая монету в Европе, а затем передавала агентам антифранцузской коалиции на местах.

Политический шантаж: Деньги как поводок

Субсидии давали Лондону колоссальный рычаг давления на союзников. Англия могла в любой момент «прикрутить кран», если видела, что союзники воюют вяло или преследуют свои личные цели и делала это довольно жестко.

К примеру, австрийский прецедент. Вена постоянно требовала денег вперед, но британцы платили неохотно, так как австрийские генералы регулярно капитулировали перед Наполеоном (как под Ульмом в 1805 году). Британский аудит был жестким: нет солдат на фронте — нет выплат.

Другой известный случай произошел перед Фридландским сражением (1807 год). Русский дипломат Николай Новосильцев умолял Лондон о срочном займе, так как русская армия истекала кровью. Британское правительство затянуло процесс, требуя взамен торговых уступок. Это взбесило царя Александра I и стало одной из скрытых причин, почему он пошел на мир с Наполеоном в Тильзите. Александр понял:

Англия готова воевать до последнего русского солдата, но жалеет золото в критический момент.

Наполеон Бонапарт по этому поводу говорил:

«Венский двор снова продан за английское золото. Прежде чем австрийские солдаты увидят наши штыки, они уже взвешены на весах лондонских банкиров. Но Питт забывает, что золото не умеет стрелять — стреляют люди, а наши люди сражаются за славу, а не за фунты».

Даже крайне осторожный российский император Александр I в своем личном письме сестре Екатерине после Тильзита написал:

«Британская эгоистичность не знает границ. Они смотрят на наши армии как на наемников, призванных защищать их островную торговлю, и торгуются за каждый шиллинг, пока наши солдаты проливают кровь на полях Пруссии».

Бесценным источником для понимания ситуации того времени является «Treaty of Concert» (Союзный договор Третьей коалиции от 11 апреля 1805 года, заключенный в Санкт-Петербурге). В его секретных статьях детально прописана «цена вопроса» войны с Францией. Англия обязуется выплачивать фиксированную сумму в 1 миллион 250 тысяч фунтов стерлингов за каждые 100 тысяч человек регулярных войск, выставленных Россией. Этот документ дает самую яркую характеристику геополитике того времени.

Термин Treaty of Concert (или более полное историческое название Treaty of Concert and Subsidy — «Договор о согла-

сии и субсидиях») не зря вынесен первым. В эпоху Наполеоновских войн он использовался дипломатическим ведомством Великобритании для обозначения двусторонних союзов, заключаемых с европейскими державами против Франции. Кто платил, тот и «заказывал военную музыку».

Подобные договоры сочетали политическое «соглашение» (concert) на ведение войны до полной победы с финансовыми «субсидиями» (subsidy) — Англия фактически брала на себя содержание союзных армий из своего бюджета.

В контексте темы нашей книги наиболее важны три таких договора.

Уже упомянутый выше англо-русский договор о согласии (St. Petersburg Treaty of Concert) — 11 апреля 1805 года, который лег в основу создания Третьей антинаполеоновской коалиции (вместе с Австрией). Лондон обязался выплачивать России огромные ежегодные субсидии (по 1,25 миллиона фунтов стерлингов за каждые 100 000 солдат).

Далее, англо-шведский договор о согласии и субсидиях (Treaty of Stockholm) от 3 марта 1813 года. Бывший маршал Наполеона, ставший шведским кронпринцем под именем Карл Юхан Бернадот, получил от Британии 1 миллион фунтов на военные нужды. Англичане также признали права Швеции на аннексию Норвегии. Взамен шведская армия ударила по Наполеону в Германии.

И, наконец, Шомонский трактат (Treaty of Chaumont), заключенный противниками Наполеона уже на территории

Франции в марте 1814 года. Великобритания, Россия, Австрия и Пруссия поклялись не заключать с Наполеоном сепаратного мира, а Россия, Австрия и Пруссия — выставить по 150 000 солдат каждая. Великобритания полностью финансировала эту армию, обязавшись выплатить субсидию в размере 5 миллионов фунтов стерлингов на 1814 год. Именно этот «концерт держав», финансируемый англичанами, привел к штурму Парижа, бегству супруги Наполеона — Марии-Луизы с Чрезвычайной казной и первому отречению знаменитого императора. Но все это будет потом, а пока мы вернемся к началу грандиозной борьбы Бонапарта за мировое господство. Давайте посмотрим на финансовые модели тех европейских держав, которые первыми решили скрестить оружие с нараставшей угрозой со стороны корсиканского выскочки.